

1 января 1971

(В этот день все ученики молча проходили один за другим перед сидящей в кресле Матерью, которая ещё плохо себя чувствовала)

Рисунок стр 15

Да будут благословенны,
делающие стремительный шаг к будущему.

Мать

U

11 января 1971

(Следующая запись сделана по памяти одним учеником; она относится к долгому физическому испытанию, через которое Мать проходила почти полтора месяца.)

Для физического видения требуется более продолжительная концентрация. Физическое видение способствует стабилизации. Оно придаёт вещам непрерывность. То же самое со слухом. Так что, когда их больше нет, то осознаешь вещи напрямую, что ведёт к истинному знанию вещей. Вот как, наверняка, заработает Супраментал.

Физическое зрение и слух отошли на второй план, чтобы уступить место отождествлению посредством сознания, для роста сознания.

Средство связи, знания — это сознание, которое отождествляется с вещью или личностью. Вместо того, чтобы иметь обычное ощущение отделения, появляется ощущение постоянного единства. Бывают очень интересные переживания. Люди зовут меня и предстают передо мной; это происходит в поле моего сознания; и, спустя некоторое время, мне говорят: «Пришёл такой-то человек» или «Что-то произошло с тем-то», и я отвечаю: «Я знаю». Мне ничего не говорили в тот момент, когда это происходило, но я сознавала это, как если бы это происходило в какой-то части меня самой.

U

16 января 1971

(Мы не виделись с Матерью со 2 декабря. Это был последний поворот в её йоге, подобный тому, что был в 1962 и 1968. Её слабый голос прерывается и теряется в шёпоте, но, всё же, её смех звонок, как у молодой девушки)

Рада тебя видеть!

Доброе утро, милая Мать...

Тебе лучше?

Да, милая Мать. Как давно я тебя не видел...

Да... Одна моя нога надолго омертвела — она только что начала оживать — она была парализована. Вот эта нога (*левая*). Так что, естественно, всё было трудно... У меня была язва кишечника, но это длилось не долго. Это было серьезнее, но продлилось не долго. Язва кишечника. Но что меня приговорило — так эта парализованная нога (*Мать касается левой ноги*), нижняя её часть, от колена до пятки. Так что, естественно, становишься инвалидом!

О!

Не можешь ничего больше делать.

Значит, проделана большая работа, правда?

Вот что замечательно (я сразу же хочу тебе об этом сказать), это то, что сознание, установившееся там (*жест над головой*) становится всё более и более сильным и всё более ясным. И это ПОСТОЯННО. Я работала — я продолжала работать — не только для Индии, но и для всего мира, в связи с ним («консультируя», ты понимаешь), активно.

Что касается трансформации, это, я не знаю... То, что я разъясняла о «затмении сознания» (*передаче*), это происходит методично-методично-методично, непрерывно-непрерывно, но с... явной порчей, или, во всяком случае, на некоторое время, с сильным ухудшением способностей тела. И есть странное явление, связанное со зрением и слухом: иногда всё ясно, настолько ясно, насколько это может быть, а иногда всё полностью затуманено. Вполне понятно, что это имеет другой источник — некий другой источник воздействия. Но, думаю, пройдут месяцы, прежде чем я смогу ясно видеть. Во всяком случае, общее сознание (*жест над головой*), то, которое можно назвать вселенским сознанием (во всяком случае, земным), не смещалось ни на минуту — ни на одну минуту. Оно оставалось там всё время. Только, чувствуешь себя со-

вершено глупо; ты знаешь, как это бывает, когда не можешь ничего сделать: беспомощность, когда сам не можешь даже перейти из своего кресла на кровать, ничего не можешь сделать — одной ноги не существует. И сейчас ещё я не могу ходить одна, надо, чтобы меня поддерживали.

Но всё восстановится, милая Мать.

Это восстанавливается. Мало-помалу восстанавливается. Был один момент, когда нога совершенно не чувствовалась: она была холодной, как лёд. В ней не было никакой циркуляции. Что-то препятствовало кровообращению. Сейчас уже лучше, нога возвращается к жизни.

Вот только, я думаю о *Бюллетене*, мы не можем оставить *Бюллетень* просто так. Ты его подготовил?

Да, всё готово, милая Мать, он даже отдан в типографию.

А! что ты поместил туда?

Держи...

(Мать даёт пакетики с супом)

Спасибо, милая Мать... Сначала, «Синтез Йоги» (глава «Освобождение Духа»), затем «Беседы с Павитрой», «Мысли и Афоризмы» с твоими комментариями, потом «Мать отвечает» и, наконец, две старые «Беседы» 1953 года...

О! это... [давнее].

Но они очень интересны.

О чём там говорится?

Например, тебя спрашивают, почему у тебя нет более достойных учеников, чтобы делать работу здесь?

(Мать смеётся от всего сердца, её смех такой звонкий!)

Это суровая критика!

Так вот, ты отвечаешь, что если бы это были очень «реализованные» люди, то они бы, вероятно, больше бы сопротивлялись твоему влиянию.

(Мать кивает головой)

Ты видел, что записала Z (*заметка от 11 января 1971*)?

Да, милая Мать, я видел.

И что ты об этом думаешь?

Я думаю, это, вероятно, вот что: устанавливается новое функционирование.

Это новое функционирование. Интересно. Я как раз думала, что если ты задал бы один-два вопроса, я могла бы пояснить тебе это. И тогда, возможно, мы могли бы использовать это [для *Бюллетеня*], чтобы не возникло внезапного разрыва в следовании материала.

Как изменилось твоё восприятие людей и событий? Изменился ли твой способ восприятия?

Да, совершенно — полностью. Это очень любопытно...

В сущности, всё это время использовалось для развития сознания физического существа. И на самом деле, кажется, что это физическое существо (*Мать касается своего тела*) подготавливалось для другого сознания, потому что на некоторые вещи... его реакция совершенно изменилась, его позиция стала другой. Я прошла через период полного безразличия, когда мир не представлял... не значил ничего. И затем, мало-помалу, как бы выросла новый способ восприятия.

Только это ещё в пути.

Но, я думаю, что в *Бюллетень*, возможно, мы могли бы поместить заметку, которая соединяла бы различные периоды, потому что если просто перейти от того, что было, к тому, что будет — к тому, как я чувствую, что будет — резко, без промежуточных звеньев, будет очень трудно понять это.

Какое впечатление на тебя произвела эта запись?... Мне интересно, потому что тогда я ни с кем не была в контакте: так оказалось, что Z убирала мою комнату, тогда как другие заботились обо мне — заменяли мне ноги, чтобы передвигаться! Это было совершенно материально, не так ли: переместиться со стула в кресло, а с кресла — на кровать... это было вот так, я была беспомощна как ребенок — хуже, хуже того, потому что остальная часть тела, вся остальная часть тела была нормальной, но в какой-то момент моя нога попросту... словно с ней было покончено, словно не было ничего. И мало-помалу, мало-помалу нога восстановилась. Таким был последний период. Но это не был безобидный (!) паралич, на протяжении, по меньшей мере, трёх недель — по меньшей мере — в течение трёх недель непрерывная боль, день и ночь, двадцать четыре часа в сутки, без ослабления, ничего подобного, как если бы меня всю раздирали... Ты знаешь, обычно я не жалуясь, но я была вынуждена почти кричать всё это время. Так что, естественно, даже не стоял вопрос, что-

бы видеться с кем-то. Сейчас с этим покончено. Боль стала переносимой, и тело потихоньку возобновляет своё нормальное существование.

Но я хочу тебе сказать, что моё сознание все время деятельно было с тобой; я себе сказала: если он это чувствует, тем лучше; если он этого не чувствует... это не важно¹.

Я очень сильно чувствовал Силу.

А! вот это и было.

Да, и немедленно, и очень непосредственно.

Тогда всё хорошо.

Самое главное, я думаю, что если это спустилось в твои ноги, то это означает, что сейчас это полностью спустилось в материю.

Да! да. И я тоже воспринимаю это подобным образом. Это была не только голень, но и самый низ ноги (*Мать дотрагивается до ступней*). Эта нога (*Мать касается правой ноги*) тоже была на грани паралича, но в тот день, когда это началось, я колоссально сконцентрировалась, я очень, очень долго ходила, чтобы помешать этому. И мне удалось помешать ей оказаться поражённой; парализована была только эта (*левая*).

Но всё тело уже совсем не то, что прежде. Например, что касается питания, то я совершенно не испытываю голода — совершенно. Одно время я даже питала отвращение, нечто вроде отвращения к пище — это было очень трудно, потому что меня всё равно пытались заставить есть². Еда казалась мне чем-то... ничтожным, что не имеет смысла, словно я не ела никогда в своей жизни. Мне пришлось приложить большое усилие, чтобы продолжать принимать то, что считается совершенно необходимым (*смесь*) для жизни в теле!

Это едва не стало серьезным, когда обнаружилась язва кишечника. У меня была язва, так что, естественно, вопрос о питании не стоял... Но я заметила, как вещи, так называемые катастрофы или бедствия, несчастные случаи или трудности или... как всё это приходит КАК РАЗ в нужный момент, чтобы вам помочь — КАК РАЗ тогда, когда нужно вам помочь... Ведь со всем, что в физической природе принадлежит ещё старому миру, его привычкам, его способам делать и способам быть, способам действовать — со всем этим невозможно справиться (как говорят *handled*), невозможно справиться, кроме как этим способом: через заболевание.

¹ Мать имеет в виду, что это всё равно окажет своё воздействие.

² Эта проблема ещё больше обострится в дальнейшем. Можно было услышать - и будет слышаться всё чаще - даже во дворе Ашрама, голоса тех людей, которые уговаривали Мать: «Поешь Мать, это тебе на пользу, это тебе на пользу...», как говорят с ребенком или престарелым больным. Мать никогда не оставляли наедине со своим переживанием.

И язва кишечника вызвала беспокойство у докторов. Если бы она открылась, это было бы очень, очень серьёзно — в таком случае обычно прибегают к операции, так что... Это вселило в докторов тревогу. Но они не показывали вида, я не знала об этом — я узнала о язве только тогда, когда она была вылечена (я имею в виду — когда она лечилась).

Не могу сказать, что это было неинтересно.

Но я (даже физически), я сохраняла контакт со всеми — я не знаю, кто осознавал это, а кто нет, но я сохраняла контакт со всеми людьми, особенно с тобой; у меня было впечатление, что с тобой ничего не прекращалось, что я регулярно видела тебя, что ничего не прекращалось. И с Суджатой тоже так, я её видела. Это зависит от восприимчивости людей. У меня совсем не было ощущения того, что связь прерывалась или что-либо подобное — вовсе, совсем нет. И только... в сущности, только позавчера я сказала себе: «О, но должно уже подойти время для *Бюллетеня*, возможно, мне лучше осведомиться, что он сделал...». И была эта запись, сделанная Z... (как сказать?) она, совершенно определённым образом, явилась результатом чего-то, и также началом чего-то. Даже не знаю, но Z как раз в это время убирала мою комнату, и я ей это сказала, и после того как сказала, я подумала, что это может пригодиться.

Не знаю, как она записала, понятно ли...

Да, понятно.

Это кажется тебе понятным?

Да, ты говорила, что, вероятно, всё функционирование зрения и функционирование слуха было подавлено, чтобы ты имела прямое осознание вещей, без использования органов чувств.

Да, но эта запись, это уже принадлежит прошлому, потому что я снова начала видеть, но иным образом. Я начала видеть и слышать.

В сущности, ты видишь и слышишь то, что необходимо.

Да-да, о! это совершенно ясно. Совершенно ясно. То, что мне надо услышать, я слышу, даже если это очень слабый звук, но все шумы при разговорах, всё то, что создаёт много шума, этого я совсем не слышу!... Что-то изменилось. Только это старо — это старо, то есть, у этого старые привычки. Но, к счастью, я никогда не была человеком привычек... Да (*улыбаясь*), можно сказать: меняется нечто неуступчивое! Так что у этого нет гибкости, легкости. Но изменение налицо — изменение очевидно! Я СИЛЬНО изменилась, даже в характере, понимании, видении вещей — очень, очень... Произошёл полный переосмотр.

Только я не знаю, можно ли воспользоваться как-то этой записью, будет ли понятно людям.

Да, милая Мать, если добавить то, что ты сказала сегодня.

Ты думаешь, это можно устроить?

Да, милая Мать.

Хорошо. Это просто для того, чтобы не бросать людей: вдруг больше ничего нет. Потом, они так далеки, что больше ничего не понимают. Это так, я думаю, что ты мог бы как-то подготовить текст — его не нужно делать длинным.

Я довольна, что ты чувствовал моё присутствие, потому что для меня это очевидно... А у тебя всё в порядке?

Да, милая Мать, очень хорошо.

Здоровье?

Да-да, милая Мать.

Твоя мама приехала?

Да, она здесь.

Она довольна?

Очень довольна.

И до какого времени она здесь пробудет?

До конца месяца.

Тогда я с ней увижусь, пока она ещё не уехала.

О, милая Мать, есть так много людей, которых ты должна увидеть прежде!

Во всяком случае, я чувствую себя свободной от всех правил и обязанностей! (*общий смех*). Это главный результат всего этого. Все это «надо делать это, надо делать то...», ушло!

Ну, конечно, принцип нового сознания заключается в том, что вещи делаются как раз в ту минуту, когда это нужно, и это всё.

Да, да.

Нет планов и прогнозов.

Да-да, это так.

(Мать продолжает смотреть)

Мир находится в ужасном состоянии.

Но ещё никогда как сейчас, я не чувствовал, что поворотная точка так близка.

Да-да-да, совершенно верно. Так.

У меня ощущение, что она очень близка.

Да-да, очень близка.

Так что, мой мальчик, я увижусь с тобой, когда ты посчитаешь, что это необходимо.

Я мог бы прочитать тебе то, что собираюсь подготовить для Бюллетеня. Сегодня суббота... когда ты захочешь.

Когда это будет готово?

Это может быть готово завтра, милая Мать.

Ты можешь придти завтра, так будет лучше для типографии.

Была рада тебя видеть...

(Мать берёт ученика за руки)

А ты (*оборачиваясь к Суджате*), ты знаешь, что я была с тобой всё время? Ты это чувствовала (*Мать касается пальцем кончика носа Суджаты*)? А!...

*(Мать некоторое время
смотрит на Суджату,
затем продолжает)*

Всё это время я была совершенно недоступна, потому что была постоянная боль, так что я никуда не ходила — постоянно-постоянно. Можно сказать, что я была ничем, кроме крика всё это время. Это длилось долгое время. Это длилось несколько недель (я не считала). Затем, постепенно, стали выдаваться спокойные минуты, когда нога переставала чувствоваться. И только два-три

дня назад нога начала приходить в порядок... Ведь это было так... это была вся проблема мира — мира, который состоял лишь из боли и страдания, и большого знака вопроса: почему?

Я перепробовала все используемые средства: превращать боль в удовольствие, подавлять способность чувствовать, заниматься чем-то другим... Я перепробовала все «уловки» — ничто не помогало! Есть нечто в этом физическом мире, каким он является сейчас, есть нечто, что не... (как объяснить?), что ещё не открыто Божественной Вибрации. И в этом «нечто» вся-вся-вся беда... Божественное Сознание не воспринимается. Так что есть множество вообразаемых вещей (но очень реальных в ощущении), которые существуют, тогда как эта единственно истинная вещь, она не воспринимается... Но сейчас лучше. Дело идёт к лучшему.

Это действительно интересно. Думаю, нечто было достигнуто с общей точки зрения (*Мать делает жест разминания*): это было трудностью не только для тела или личности: я думаю, что нечто делалось, чтобы подготовить Материю воспринимать так, как надо, подходящим образом — будто она воспринимала прежде неправильно, и её учили воспринимать правильным образом.

Это придёт. Я не знаю, возможно, потребуются месяцы или годы, чтобы это стало... ясным. Тогда это может быть исправлено.

Вот так, до встречи, мой мальчик, я была рада увидеть тебя, очень рада.

Ты, моя малышка (*поворачиваясь к Суджате*), у меня впечатление, что я тебя видела: я видела тебя ежедневно и просила тебя кое-что для меня делать.

Я была здесь, милая Мать, постоянно.

Да, у меня полностью такое ощущение... как если бы я тебе говорила: «А теперь подай мне то, сделай это...» Очень интересно. Ты милая крошка.

(в момент, когда ученик собрался уходить, помощница Матери протягивает ему записку, сделанную Матерью)

Я не помню, что это.

Это послание, которое ты дала для радио.

Да, это для местной радиостанции, они просили дать им это.

(ученик читает)

«Мы хотим быть посланниками Света и Истины.

Будущая гармония ждёт, чтобы заявить о себе в мире.»

Да, это хорошо!

Они передали это послание. (*Смеется*). Первое, что они сделали — отправили это послание в Дели: вместо того, чтобы передать его по местной радиостанции, они отправили его в Дели. Из этого сделали так много шума. Но это хорошо, это ободряет людей.

Да, милая Мать, и я, я не знаю, но у меня очень сильное ощущение, что это совсем близко.

Да.

Это то, что я чувствую.

Да, ты прав. Ты прав; мне кажется, надо быть совсем слепым, чтобы не видеть этого. Это так близко.

До свидания, милая Мать.

До завтра, мой мальчик³.

(Мать ласково касается Суджатъ)

U

17 января 1971

(Ученик читает Матери несколько отрывков из вчерашней беседы, которые будут опубликованы в «Бюллетене». Голос Матери похож на продолжительный стон, но её смех всегда готов вспыхнуть, словно этот смех оставался единственной истинной физической вещью.)

Это хорошо, ты сделал как раз то, что нужно. Это именно так, ты выразился точно.

Действительно, это не бесполезно⁴.

(молчание)

У меня впечатление — такое ясное ощущение: контакт (*с учеником*) был СОЗНАТЕЛЬНЫМ всё время. Это был сознательный контакт. Как если бы мы делали совместное усилие, чтобы суметь понять вещи — обстоятельства

³ Существует запись этой беседы.

⁴ Этот долгий период страдания.

складываются так, чтобы помочь вам и благоприятствовать вашему пониманию.

Но даже в тот момент, когда, внешне, я очень страдала, и люди думали, что я была вся в своём страдании, оно меня не занимало. Я не знаю, как объяснить... Я отлично вижу, что это бедное тело было далеко не блестящим, но это меня не занимало; всё время было впечатление этой... этой Истины, которая должна быть понята и проявлена.

Я себя спрашивала, я говорила себе: «Как вышло так, что я не видела тебя столько дней?» И такое впечатление, что я всё время была с тобой. Это было ясно — ясно-ясно-ясно, сильно, очень сильно... Совершенно естественное ощущение — не найденное, не результат усилия, ничего подобного: совершенно естественное; такое впечатление, что мы были там вместе (*жест над головой*), как раз прямо над самой головой — вместе, прямо над головой. И то, что ты прочитал, это в точности то, что я могла бы сказать.

Это то, что ты сказала.

Очень хорошо. Я довольна.

Это будет полезно.

(Мать берёт руки ученика)

Так что... Я не знаю, я могла бы встречаться с тобой по утрам, если это необходимо — только дай мне знать.

Это ты должна мне дать знать! Лучше ты говори мне, когда ты думаешь...

Я... ты знаешь, во внешней видимости (в видимости, всё — видимость!), я стала бедной маленькой развалюхой (*смеясь*), которой больно. Это не кончилось. Ещё бывают такие часы; в течение некоторых часов мне ещё больно. Это не кончилось. Так что... Видимость точно такая: нечто вроде болезненных клочков. Но это не имеет значения; если ты мне скажешь: «Мне надо тебя увидеть» или «Я хочу кое-что у тебя спросить», или... тогда я отвечу «да» и позову тебя. Так будет удобней для меня.

Я никогда не посмею.

Я не могу ничего организовывать, потому что...

Да, милая Мать, да.

Потому что я ещё... четверть человека!

Милая Мать, когда ты захочешь, сама позови меня.

Во всяком случае, когда «Бюллетень» будет готов, покажешь мне его и покажешься со мной.

До свидания.

*(ученик выходит,
Мать берёт руки Суджаты)*

(Смеясь) Я отдала твои цветы Сатпрему!... Для тебя не осталось ничего!

У меня твои руки, милая Мать!

Всё в порядке, моя крошка?

Да, милая Мать.

У тебя было что-то не в порядке там *(жест, указывающий на грудь)*, это кончилось?

Почти закончилось.

Только почти... Ты кашляешь?

Нет, милая Мать.

*(Мать остаётся
сконцентрированной)*

Хочешь ли ты иметь у себя маленькую фотографию, или у тебя уже есть?

Я хотела бы, милая Мать.

(Обращаясь к помощнице:) Принеси мне коробку с фотографиями. Какую-нибудь фотографию, которую ты могла бы хранить вот так *(на груди)*. Ты видела эту фотографию?

Нет, милая Мать.

Ты её не видела!

*(Мать держит фотографию в руках
)*

Я даю тебе эту фотографию специально для того, чтобы ты вылечилась ПЛНОСТЬЮ. Полностью, чтобы тебя больше ничего не беспокоило.

Да, милая Мать.

До свидания, моя крошка.

Затем, ты тоже можешь давать мне знак (*смеясь*): «Будет хорошо, если ты встретишься с Сатпремом!» идёт? (*смех*)

Хорошо, милая Мать.

Когда ты очень захочешь меня увидеть.

Я всегда очень хочу тебя видеть!...

(*Смеясь*) Ты можешь приходить [каждый день] и говорить: «Доброе утро, Мать! доброе утро...» (*Мать делает лёгкий жест рукой*)

Хорошо, Мать!

Это всегда возможно. Сейчас не так, как прежде. Теперь у меня есть время.

До свидания, моя крошка.

Я никогда не оставляю тебя⁵.

U

23 января 1971

(*Мать принимает ученика по случаю перевода на английский язык «Заметок на Пути» для следующего «Бюллетеня». После этой работы:*)

Милая Мать, я размышлял об «Агенде»...

?...

Ты понимаешь: если я не вижу с тобой, то в Агенде остаются пустоты.

Агенда? Какая Агенда?

Агенда, это все заметки о работе трансформации.

⁵ Существует запись этой беседы.

А!... Было кое-что, но... Если это не для публикации, есть... то, что было потрясающе. Но это не для публикации.

Но это останется только у меня.

Помнится, я что-то говорила R — не знаю, хорошая ли у неё память?... Ты знаешь, она пришла как раз в тот момент, когда кое-что начало происходить, так что я ей об этом сказала. Но я не просила её записать; так что не знаю, что она сделала.

Но если должна быть непрерывность в записи всей работы, то нам надо бы встречаться время от времени.

Да, мой мальчик, очень охотно! Только, ты понимаешь, я не звала тебя, потому что не могла говорить. Я ничего не говорила. Моим единственным средством контроля было молчание... Сейчас с этим кончено. Нога ещё болит, но это вполне переносимо.

Мне надо с тобой видеться... Только я сомневалась, говорить ли тебе приходится, потому что бывают дни, когда... (*жест ухода вовнутрь*)⁶

Но, милая Мать, это ничего не значит, это не имеет никакого значения!

Бывают дни, когда я вообще ничего не говорю.

Да, милая Мать, но я просто был бы здесь в твоём распоряжении.

Хорошо, мой мальчик.

Можно ничего не говорить, а когда ты захочешь что-нибудь сказать, ты скажешь.

Хорошо... Тогда в это же время. Мы возобновим наши встречи в те же самые дни — или ты хочешь чаще? Можно встречаться чаще.

Как ты хочешь, милая Мать; прежде мы встречались по средам и субботам.

Да, но если ты хочешь три раза в неделю или...

Нет-нет, милая Мать! как ты пожелаешь; как тебе будет лучше.

⁶ В действительности, со времён последнего «происшествия» Мать проводила большую часть времени в глубоком созерцании.

Я, я, в самом деле, не знаю... Это совсем странно, всякий смысл организации стал для меня... *(жест ликвидации)* Я могу внезапно сказать: «Вот если бы Сатпрем был здесь...» Ты понимаешь? Скорее вот так, но это неудобно.

Но ты могла бы меня позвать, и я бы сразу же пришёл.

Да, но ты можешь быть занят.

Нет-нет, нет ничего более важного!

Послушай, мы оставим для встреч эти же дни — среду и субботу, а если когда-то у меня будет, что тебе сказать, я пошлю тебе записку, или тебя позовут.

Да, я приду в любой момент, договорились.

Хорошо... Я не знаю, всё это «планирование», «организация», всё это ушло. Внезапно что-то приходит — там, да... Если бы я могла писать... Только я не могу.

Что же, только позови меня.

Да, хорошо. Всегда приблизительно в это же время. И по средам и субботам мы будем встречаться регулярно.

*(ученик уходит,
и Суджата подходит к Матери)*

Милая Мать, у меня есть кое-что для тебя.

Что это?

Вчера мы гуляли и нашли вот это на берегу реки. Это из перламутра, милая Мать.

Ба!... это так мило. О! как красиво... Должно быть, это целая ракушка.

Это для тебя, милая Мать.

Моя малышка, у меня нет места, чтобы хранить такие вещи, будет лучше, если ты сохранишь её у себя... У меня нет места *(оборачиваясь)*, повсюду хаос. Будет лучше, если ты её сохранишь.

Да, милая Мать.

Я ощущаю себя каким-то невесомым существом, которое не занимает места и которое не может ничего сохранить! (*Мать смеётся*) Это так. Когда вещи приходят ко мне, они всегда приходят, чтобы я их направила в правильное место — чтобы каждая вещь заняла своё место. Я... я просто как место, откуда направляются вещи (*жест: во всех направлениях*): это сюда, это туда, это туда... Как было бы прекрасно, если бы всё было так, как я это вижу! О!...

U

27 января 1971

(*Мать протягивает записку, которую она послала одному ауровильцу.*)

«Именно старые методы йоги требуют молчания и уединения.

Йога завтрашнего дня состоит в том, чтобы найти Божественное в работе и в контакте с миром.»

*

* *

(*Затем цитата из Шри Ауробиндо, которую Мать хочет включить в следующий Бюллетень*)

«Сила, работающая в этой йоге, имеет бескомпромиссный характер, и, в конечном счете, она не потерпит ничего, большого или малого, что окажется препятствием на пути к Истине и её реализации.»

Sri Aurobindo
Letters on Yoga, XXIII.803

*

* *

Скажи-ка, ведь введение к твоей книге⁷ должно было быть опубликовано в январе... А январь уже почти кончился.

Книга отправлена во Францию, издателю «Планет»⁸ — я ещё не знаю, примут ли они её, но она им послана.

В Америке книга идёт **ОЧЕНЬ ХОРОШО**. Она уже послана множеству людей. И, к тому же, у тебя сейчас есть воодушевлённый читатель: это R! Она в

⁷ На Пути к Сверхчеловечеству.

⁸ Planet — журнал, посвящённый оккультизму и парапсихологии. (прим. переводчика)

полном восторге, она сказала мне, что преобразована. Так что она собирается очень активно работать там, в Америке.

И налёг на перевод на итальянский и испанский языки. Есть люди, которые хотят перевести на португальский.

Но когда я увидела, какое воздействие это произвело на R... Ведь R — не такой человек, кого так легко пронять — она преобразована, совершенно преобразована, и она мне сказала, что это явилось для неё откровением всей её жизни... Это глава «Новое сознание».

Я хотела бы послушать окончание... Если ты сядешь здесь (*жест: справа от Матери*), я думаю, что услышу тебя.

Как ты хочешь, милая Мать. Осталось прочесть, кажется, шесть глав.

Да, шесть. Мы прочли десятую.

Да! У тебя такая память!

(Мать улыбается) Она...

Твоя память работает, когда хочет!

Нет, это зависит от места, занимаемом вещью в сознании. Это память сознания, это не механическая память.

В последнее время произошло множество вещей, не так ли!

Да, множество. Множество.

Но, я ожидаю, что книга произведёт грандиозное воздействие именно в Америке, ОСОБЕННО там... Не думаю, что обманываюсь.

По правде говоря, у меня есть идея или желание, чтобы эта книга была переведена на американизированный английский язык каким-нибудь американцем.

Да.

Потому что их язык на самом деле не тот же, что у англичан.

Да.

Классический английский слишком отполирован, он нейтрален, не достаточно непосредственен.

Впрочем, ты мог бы увидеться с R и спросить её, знает ли она кого-нибудь в Америке, кто смог бы перевести... Это должен быть американизированный

американец, то есть совершенно убеждённый. S была здесь довольно долгое время, и она вернулась в Америку... Она действительно американка; я не знаю, есть ли у неё литературные способности, но она знакома кое с кем.

Представь себе, я думал о внучке N.D., её зовут Деби.

О!

В этой девочке что-то есть.

Это та, что была здесь?

Да, она приезжала сюда. Она совсем молода.

Да, совсем молода. Это очень хорошо. Лучше, если будет кто-то молодой, так гораздо лучше. Да, это превосходно.

Перевод на классический английский... Для меня Англия — полумертвая страна, но это ничего не значит, потому что множество стран говорит на английском. Но, особый перевод для Америке - это очень хорошо.

Долгое время я ничем особо не занималась, но сейчас всё в порядке.

Всё в порядке?

Да, всё в порядке.

Теперь надо продвигать твою книгу.

Для начала, в следующем месяце она выйдет на французском [здесь].

Вот именно, надо всё везде подготовить — везде.

В североевропейских странах... У нас есть кто-то оттуда, кто был недавно отозван на свой пост в Швеции или Норвегии... Он мог бы поработать там. Надо дать ему введение и книгу, когда она выйдет.

Да, нам надо продвигать её. У меня такое впечатление, что эта книга потрясёт Америку. И когда я увидела, какое воздействие она произвела на R, я поняла, что не обманулась, потому что она представляет интеллектуальный элемент этой страны. Она была настолько полна энтузиазма, что если бы это их охватило... это может вызвать там грандиозное движение.

Я рассчитываю на это.

(Затем ученик читает Матери письмо друга из Ватикана.)

«...Когда Папа путешествовал [по тихоокеанскому региону], его дважды пытались убить — не удалось. Я считаю, что Папа как-то особенно

защищён мною, через меня. Два раза его пытались убить, и оба раза это им не удалось.

Я не знаю, почему его хотят убить... Если кто-то разбирается во всей этой дребедени, так это он.»

(молчание)

Что ж, ты принёс следующую главу?

Да, милая Мать, она называется «Сообщество сверхлюдей». Подразумевается Ау-ровиль.

Вот как!...

Но Ауровиль идеальный.

Да! *(смеясь)* далекий от того, чем он сейчас является.

(ученик читает несколько страниц из главы)

О! это чудесно, мой мальчик!

На пути покорения мира...

Это действительно пришло, ты понимаешь. Звали-звали-звали, и это пришло *(жест нисхожденья)*. Это пришло. Я очень довольна.

Чудесно... У меня впечатление, что есть тесная и невидимая связь между стремлением Америки, какой она является сейчас, и этой книгой. Мне кажется, что центр трансформации будет там. Европейские страны стары.

Стары, да.

Они утратили свой энтузиазм, который заставляет действовать, не задумываясь о последствиях. Они всё время просчитывают последствия всего, что делают. В Америке же есть стремление. Вот где будет нажим, вот куда надо сбросить... *(указывая на рукопись)* бомбу! *(смех)*

U

30 января 1971

(Матери снова не здоровится, и она приняла нас с опозданием на час; но сначала уделила несколько минут матери ученика.)

Что же, как он вам?

(Моя мать, крепкая, как бретонская скала:) Хорошо.

Он написал чудесную книгу. Я рассчитываю, что эта книга произведёт революцию в мире... Вы можете гордиться своим сыном.

*(Моя мама
улыбается и уходит)*

Хорошо, ты принёс свою книгу?

Хочешь, чтобы я почитал тебе сейчас утром?

Конечно, я этого жду!

Ты не устала, нет?

О! это не утомляет. Утомляет не это.

Что тебя утомляет сейчас?

Система начинает отказываться работать старым образом, так как же питаться?... Никакого притяжения к пище — никакого. Пища кажется глупой вещью, и всё же «нужно» её принимать. И затем, доктора хотят, чтобы всё функционировало как обычно — это невозможно. И это ставит меня в положение... это создаёт некий конфликт в природе.

Ты понимаешь, всё идет очень быстро, и в то же время есть сопротивление старой природы — поддерживаемое докторами и привычками.

Бывают моменты, когда... *(жест резкой боли)*

Но всё это — символ чего-то иного.

(Мать смеётся) Конечно!... Это символ всего того, что в Природе сопротивляется трансформации.

А, значит, всего мира!

Но я хорошо понимаю, что если трансформация была бы стремительной, то это ужаснуло бы людей.

Да...

Например, они говорят, что мои беды проистекают из-за того, что я недостаточно ем — согласно старой системе, это верно; так что они хотят, чтобы я больше ела, а я чувствую, что еда идёт наперекор Работе.

Это также трудно... Притяжения к еде больше нет совсем, вовсе — еда кажется бесполезной вещью, и все же я вижу, что если её не принимать, то это слишком быстро расстраивает старую систему. Так что... (*жест трения двух систем*)

А! почитай мне, это гораздо интереснее.

(ученик читает продолжение «Сообщества сверхлюдей» и, в частности, в тексте он цитирует отрывок из Шри Ауробиндо относительно пропаганды:)

«Я не верю ни в рекламу, кроме рекламы книг, ни в пропаганду, за исключением пропаганды политики и медицинских лекарств. Но для серьёзной работы это вред. Это напоминает рекламный трюк или шумиху — а трюки и шумиха выхолащивают то, что они несут на гребне своей волны и оставляют его безжизненным, разбитым о берег неизвестно где — либо это будет “движение”. А “движение” в случае работы, подобной моей, означает основание школы или секты, либо какой-то другой проклятой нелепости. Итог таков, что сотни и тысячи бесполезных людей вольются и исказят работу, либо сведут её к помпезному фарсу, от чего Истина, которая начала нисходить вниз, отступит в скрытность и молчание. Именно это и произошло с “религиями”, и в этом причина их падения.»

2 октября 1934
On Himself, XXVI, 375

Следует размножить этот отрывок и вывесить его в Ауровиле. Это **СОВЕРШЕННО НЕОБХОДИМО**. У них много ложных идей о пропаганде и рекламе. Это надо напечатать большими буквами; сверху написать «Шри Ауробиндо сказал», а внизу привести цитату, и отправить это в Ауровиль.

Скажешь, что это я послала.

(по окончании чтения)

Это всё?

Это половина главы.

Жаль... Я бы слушала это часами, это действительно очень хорошо.
Есть ещё?

С десяток страниц.

Оставим на следующий раз.
Ты доставляешь мне радость.

О! милая Мать, это ты дала мне всё.

Надо заняться переводом... Да, я бы очень хотела — нечто (*жест вверх*) говорит мне, что это надо перевести на русский язык.

Ведь они прошли через свой эксперимент, исчерпали свои возможности и увидели, что этот путь никуда не ведёт, но, к несчастью, они поворачивают назад — и в этот момент им надо дать это.

Если действительно можно было бы перевести это на хороший русский язык... наводнить их страну этим. Сейчас как раз момент, когда они нуждаются в чём-то ином. Они утратили веру в то, что думали обрести.

И это настойчиво возвращается: «На русский, надо, чтобы это было переведено на русский язык».

Мы знаем кого-нибудь русского?

Есть S, хочешь я с ней поговорю?

Она не знает русского языка.

Но, может быть, она знает кого-то из русских?

Ты мог бы её спросить. Ты можешь ей сказать, что я очень бы хотела, чтобы эта книга была переведена на русский тем, кто хорошо пишет, у кого живой стиль — не сухой и бесплодный: нужен кто-то, кто имеет живой и притягательный стиль. И мы организуем, чтобы это было где-то опубликовано.

Я поговорю с S.

(молчание)

Это пошло мне на пользу.

О! милая Мать, это ты приносишь нам пользу!

U